

Михаил Петрович Арцыбашев

Подпрапорщик Гололобов

Михаил Арцыбашев
Подпрапорщик Гололобов

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Подпрапорщик Гололобов / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«Молодой доктор Владимир Иванович Солодовников вышел пройтись по бульвару, что делал каждый день, если в это время, то есть около семи часов вечера, не был занят у больных. На бульваре он всегда встречал кого-нибудь из своих знакомых и, пройдя с ними весь бульвар из конца в конец, шел в клуб читать газеты и играть на биллиарде. Но на этот раз погода была дурная: небо с утра затянулось сплошными серыми тучами; было ветрено и сыро, а потому на бульваре не было никого, кроме неподвижного постового городского...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Михаил Петрович Арцыбашев

Подпрапорщик Гололобов

И псу живому лучше, чем мертвому льву.
Екклезиаст, 9, 4

I

Молодой доктор Владимир Иванович Солодовников вышел пройтись по бульвару, что делал каждый день, если в это время, то есть около семи часов вечера, не был занят у больных. На бульваре он всегда встречал кого-нибудь из своих знакомых и, пройдя с ними весь бульвар из конца в конец, шел в клуб читать газеты и играть на бильярде.

Но на этот раз погода была дурная: небо с утра затянулось сплошными серыми тучами; было ветрено и сыро, а потому на бульваре не было никого, кроме неподвижного постового городского.

Пройдя до конца бульвара, Солодовников повернул назад и решил идти прямо в клуб.

Навстречу ему шел человек, и Владимир Иванович узнал в нем своего знакомого пехотного подпрапорщика Гололобова. Подпрапорщик шел, как всегда, щеголеватую быстрою походкою, бодро выступая лакированными сапогами, высоко подняв сильно подложенные ватой плечи и грудь и мужественно шагая по лужам.

– Здравствуйте, воин, – сказал Владимир Иванович, поравнявшись с подпрапорщиком.

Гололобов вежливо поклонился, дотронувшись пальцами до своей маленькой фуражки.

– Вы куда же стремитесь? – спросил Владимир Иванович только для того, чтобы не молчать.

– Домой, – так же вежливо ответил подпрапорщик.

А... – сказал Владимир Иванович.

Подпрапорщик Гололобов стоял против него и учтиво ждал. Владимир Иванович решительно не знал, что ему сказать. Он знал подпрапорщика очень мало, встречался с ним редко, а когда и встречался, то не говорил ни слова, кроме «здравствуйте» и «прощайте». Несмотря на это, он почему-то считал подпрапорщика глупым и неразвитым, и в другое время, будь на бульваре кто-либо другой из знакомых, Владимир Иванович не обратил бы на подпрапорщика никакого внимания.

– Ну, путь добрый! – ласково-пренебрежительно, как говорят с людьми несравненно ниже стоящими, когда из чувства собственного достоинства не хотят показать им свое настоящее к ним отношение, сказал Владимир Иванович и подал подпрапорщику руку.

Гололобов пожал протянутую ладонь, опять дотронулся до козырька своей фуражки и пошел дальше, все так же щеголевато выступая лакированными сапогами.

Владимир Иванович пошел в клуб, сыграл три партии на бильярде, причем из трех выигранных бутылок пива выпил больше половины; прошел в библиотеку, где с одинаковым вниманием и интересом прочел обе газеты, одну либеральную, другую консервативную; поболтал с двумя знакомыми дамами и тремя чиновниками, которых считал глупыми, смешными и отсталыми именно потому, что они были чиновниками; потом закурил у буфета и выпил четыре рюмки водки. От всего этого ему стало скучно, и около десяти часов вечера он пошел домой.

Ветер упал, но зато с неба моросил мелкий, холодный и частый дождь. Лужи расплылись, и уже нельзя было их обходить. Приподняв плечи и воротник, аккуратно подвернув концы брюк, Владимир Иванович быстро пошел по бульвару и скоро повернул в улицу, на которой жил.

В третьем доме от угла, за подъездом булочной, ярко освещенное окно бросало в темноту полосу неподвижного света, в которой мелькали капли дождя. Владимир Иванович машинально припомнил, что именно в этом доме живет встретившийся ему сегодня подпрапорщик Гололобов.

Поравнявшись с окном, Владимир Иванович заглянул в него и увидел самого подпрапорщика, который совершенно неподвижно сидел прямо против окна, опустив голову. Владимиру Ивановичу от скуки и оттого, что так недавно он виделся и даже говорил с подпрапорщиком, пришла фантазия попугать его, и он стукнул в окно концом своей палки.

Подпрапорщик Гололобов быстро поднял голову. Лампа освещала его прямо в лицо и очень ярко. Владимир Иванович только теперь как следует рассмотрел его. Очевидно, подпрапорщик был еще очень молод, почти мальчик, ни усов, ни бороды у него не было. Одутловатое книзу, сплошь покрытое угрями, его лицо с маленькими светлыми глазами, с желтыми бровями, белыми ресницами и коротко остриженными серыми волосами было совсем бесцветно и какое-то незначительное.

Гололобов увидел Владимира Ивановича, узнал его и встал. Владимир Иванович, довольный тем, что, как ему показалось, испугал подпрапорщика, хотел кивнуть ему головой, улыбнуться и уйти, но Гололобов вдруг сам кивнул головой, любезно улыбнулся и быстро ушел в глубь комнаты, как будто к двери.

«Что он... позвать меня к себе хочет, что ли?..» – с недоумением подумал Владимир Иванович и замялся на месте, не зная, идти ли ему дальше или подождать.

С подъезда булочной послышался стук отворяемой двери, и из ее черного четырехугольника голос Гололобова сказал:

– Это вы, доктор?

Владимир Иванович, все еще не зная, что ему делать, нерешительно подошел к двери. Гололобов в темноте пожал ему руку и отступил внутрь сеней, давая дорогу. Владимир Иванович последовал за ним.

– Прямо, прямо, доктор, – сказал Гололобов в темноте, и слышно было, как он запирает входную дверь на засов.

«Вот тебе и раз! Нежданно-негаданно попал в гости», – весело подумал Владимир Иванович, путаясь впотьмах среди каких-то кадешек и ларей.

В сенях крепко пахло печеным хлебом и кислыми дрожжами и воздух был теплый, парной.

Подпрапорщик прошел вперед и отворил дверь в освещенную комнату. Владимир Иванович, улыбаясь неожиданному приключению, перешагнул порог.

Оказалось, что подпрапорщик Гололобов занимает всего одну, небольшую и малообставленную неуклюжей старой мебелью комнату.

Владимир Иванович снял пальто, повесил его на вешалку, которую изображал ряд гвоздей, аккуратно вбитых в стену поверх газетного листа, снял галоши, фуражку и поставил палку в угол.

– Садитесь, пожалуйста, – указывая на стул, предложил ему Гололобов.

Владимир Иванович сел и огляделся.

В комнате горела очень плохая лампа, и оттого в ней было темно и сумрачно. Кроме стола, аккуратно прибранной кровати и шести стульев, расставленных по стенам без всякой симметрии, Владимиру Ивановичу бросился в глаза угол, увешанный множеством больших и маленьких старинных, темных образов в медных ризах, и перед ними зеленая лампадка с подвешенным к ней пасхальным, раскрашенным яйцом.

«Вишь ты, богомольный какой!» – подумал Владимир Иванович и почувствовал презрение к подпрапорщику. Ему почему-то казалось некрасиво-несовместимой богомольность, лампадка и особенно пасхальное яйцо с подпрапорщицким званием и молодостью.

На чистенько застланном скатертью столе стоял потухший самовар, лежали чайные ложечки, щипчики для сахара, стояла вазочка с вареньем. Кровать была покрыта одеялом, а подушки белой накидкой с прошивками. Все было удивительно чисто и аккуратно, но комната оттого казалась только еще более холодной и неудобной.

– Хотите чаю? – спросил подпрапорщик.

Владимир Иванович вовсе не хотел чаю и чуть было не отказался, но подумал, что тогда уже окончательно нечего будет делать, и согласился.

– Пожалуй.

Гололобов старательно вымыл и вытер стакан и блюдечко и налил чаю.

– Извините, пожалуйста, что чай не крепкий, сказал он, подвигая к Владимиру Ивановичу вазочку с вареньем.

– Ничего, возразил Владимир Иванович, думая: «На кой черт он меня к себе зазвал?»

Подпрапорщик сидел у стола, поджав ноги под стул, и машинально размешивал ложечкой чай в своем стакане. Владимир Иванович тоже помешивал свой чай, и оба молчали.

И тут только Владимир Иванович испуганно догадался, что вышло недоразумение: его стук в окно подпрапорщик Гололобов, очевидно, принял за желание войти и теперь сам недоумевал. Владимир Иванович почувствовал себя очень неловко и покраснел. Положение казалось ему глупым и по его вине, а Владимир Иванович, как все здоровые и самодовольные люди, терпеть не мог видеть себя в глупом положении.

– Погода скверная, – недовольно краснея своему началу, проговорил Владимир Иванович.

– Да, погода теперь действительно очень дурная, – поспешно согласился Гололобов и замолчал.

«Как он странно... подробно как-то говорит!» – подумал Владимир Иванович.

Неловкость его быстро прошла, потому что он, как всякий доктор, привык говорить с различными, часто совершенно ему незнакомыми людьми. Кроме того, он, как и чиновников, всех военных считал глупыми и не находил нужным стесняться с ними.

– О чем вы тут мечтали? – опять впадая в привычный снисходительно-презрительный тон, заговорил он.

Владимир Иванович был уверен, что хозяин так же вежливо и чересчур подробно ответит: «Я тут ни о чем не мечтал...»

Но вместо того подпрапорщик Гололобов, не подымая головы, ответил:

– Я думал о смерти.

Владимир Иванович чуть не прыснул со смеху, до того несовместимой с белобрысою физиономией подпрапорщика показалась ему такая глубокая и значительная мысль. Он удивился и засмеялся.

– Во-от как! Что же это вам пришли в голову такие мрачные мысли?

– Каждый человек обязан думать о своей смерти.

– И каяться в своих прегрешениях, вольных и невольных! – пошутил Владимир Иванович.

– Нет. Просто думать о своей смерти, – совершенно спокойно и вежливо ответил Гололобов.

– Почему так уж обязан? – кладя локоть на стол и закладывая ногу на ногу, насмешливо спросил Владимир Иванович, каждую минуту с удовольствием ожидая, что подпрапорщик «сморозит» какую-нибудь глупость, что казалось ему обязательным для подпрапорщика.

– Потому что каждый человек должен умереть, – ответил тем же тоном Гололобов.

– Да... ну, это еще недостаточная причина! – возразил Владимир Иванович и подумал: «Он, должно быть, не русский, потому что уж очень правильно выражается...»

И ему вдруг почему-то стало неприятно сидеть здесь, против бесцветного вежливого подпрапорщика, и захотелось уйти.

– А я думаю, что причина эта – совершенно достаточна, – сказал Гололобов.

– Не будем спорить! – насмешливо согласился Владимир Иванович, и ему стало неприятно еще и то, что считающийся им за глупого и ограниченного человека подпрапорщик Гололобов думал и говорил о такой серьезной, глубокой и страшной вещи, как смерть.

– Спорить не надо, а надо готовиться, – сказал Гололобов.

– Что? – высоко поднял брови Владимир Иванович и рассмеялся, потому что эта последняя фраза подпрапорщика показалась ему именно тою глупостью, которую он от него ожидал.

– Да на кой же черт вам о ней думать? – уже окончательно небрежно и готовясь встать, возразил Владимир Иванович.

Гололобов поднял голову, посмотрел на него и, как бы удивляясь, сказал:

– Но ведь я уже говорил, что каждый человек обязан думать о своей смерти.

«Да он идиот, что ли?» – с внезапным раздражением подумал Владимир Иванович.

– Это почему же? – спросил он почти сквозь зубы.

– Я уже на этот вопрос ответил вам, – заметил подпрапорщик.

– Черт знает, что вы мне ответили! – с грубостью самоуверенного человека, которого раздражает непривычное сопротивление, и сам удивляясь своей грубости, возразил Владимир Иванович. – Будто оттого, что я каждый день непременно должен пить и есть и спать, или оттого, что я непременно состарюсь в свое время и приобрету морщины, лысину и прочее, так я и должен постоянно думать о еде, спанье, лысине и тому подобных глупостях!

– Нет, – медленно и грустно покачал головой подпрапорщик. – Вы сами сказали, что все это глупости, а о глупостях думать не надо. Но смерть не глупость.

– Да мало ли о чем мы и очень умном никогда не думаем... Да и что такое смерть? Придет смерть – помирать будем. Я, например, отношусь к этой неприятности совершенно равнодушно.

– Этого не может быть, – качнул головой Гололобов. – Никто не может относиться равнодушно к такой ужасной вещи, как смерть.

– А вот я отношусь! – пожал плечами Владимир Иванович.

– Это означает только то, что вы еще не сознаете своего положения.

«Ишь ты! Скажите! Ах ты, болван гололобый!» – густо краснея, подумал Владимир Иванович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.